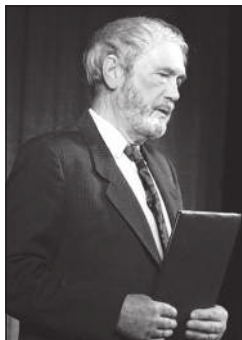

70 ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Владимир ТЕРЕХОВ,
Симферополь

*Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь...
Пушкин, «Полтава».*

Я ПОМНЮ

Я помню, Керчь! О как ты вся горела!
К слепому небу возносился дым.
По лицам улиц, побеленных мелом,
Чужих сапог кровавые следы.

А самолетный рой над переправой
Мерещится мне годы напролет.
И рев разрывов за скалой корявой
Мне тишину расслышать не дает.

Но ты жила. Винтовкой и гранатой.
Жила подземной динамитной тьмой.
Вставала вновь и вновь у Митридата
Из груды стен расстрелянных домов.

И, становясь летучею легендой
(Врагов еще и до сих пор знобит!),
Бросаясь вброд и вплавь до Эльтигена,
Рвалась Тамань, чтоб Керчь освободить.

Мой добрый дом, сраженный динамитом,
Лежать остался на передовой.
Но старый двор воронкой не дымится,
В нем новый сад и дом стоит другой.

* * *

Терзала землю бешеная сила,
Ревела ночь, разрывами слея.
Меня из-под бомбежки выносила,
Бежала мать, не чувствуя себя.

Упала надо мною, как в поклоне.
Прожектора проплавили зенит.
И бестолково шарили ладони,
Когда в затылок крошками земли

Стрельнул осколок. И, его нащупав,
Ожегшись, насмерть сжала в кулаке.
А рядом бомбы в берег били тупо,
Аж заходились «юнkersы» в пике.

И вот уж бомб для бойни не хватало.
Но, прежде чем на запад улететь,
Швыряли бороны, куски металла,
Пустые бочки в женщин и детей.

А мать сжимала крупновское жало,
Под голову мне руку положив,
Как будто смерть саму она держала
Гарантией, что я останусь жив.

Вставало солнце берегом Тамани.
За переправой грезился Кавказ.
А позади гремело и стонало —
Там Керчь собою заслоняла нас.

КЕРЧЬ

Я родился, когда к прибрежным вязам
Спешила осень в синеве морской, —
Стояли дни прозрачно глубоки,
К путине снасть вязали рыбаки.
Теперь, сдается: был и я завязан,
Как узелок — для памяти людской.

Я помню Керчь! О, как она горела!
К слепому небу возносился дым.

На лицах улиц, выбеленных мелом,
Чужих сапог кровавые следы.

А самолетный рой над переправой
Мерещится мне ночи напролет.
И рев разрывов за скалой корявой
Мне тишину расслышать не дает.

Но ты жила. Винтовкой и гранатой!
Жила подземной динамитной тьмой.
Вставала вновь и вновь у Митридата
Из груди стен расстрелянных домов.

И, становясь летучею легендой,
(Врагов еще и до сих пор знобит!),
Бросаясь вброд и вплавь до Эльтигена,
Рвалась Тамань, чтоб Керчь освободить.

Мой добрый дом, он, как солдат убитый,
Лежать остался на передовой.
Но панычами синими обвитый
Крыльцом на солнце дом стоит другой.
Гляжу туда, где ржаво «щель» зияла —
И холод глины чувствует щека...

Тот карапуз — хохочущий не я ли? —
Лежу себе на рыжем одеяле
И тискаю кудлатого щенка.

* * *

Богата хлебом и железом
Земля, мне давшая рассвет.
Здесь берег временем изрезан
И в море будущего след.
Покоя редкие минуты
И вихрь степной не омрачит.
Но жизнь, замешанная круто,
В сердцах о памяти стучит.
Ни в неба даль, ни в синь морскую
Бездумных глаз не окунай.
Еще ль найдешь страну такую,
Где Эльтиген и Акмонай?
У Эльтигена море люто,
И ветер подвигом пропах.
На Акмонае нет салютов,
Лишь волны катятся в хлебах.
Там грянет марш светло и браво,
Тут ветеран прольет вино.

Но там и тут мы были правы.
И смерть косила нас равно.
Покуда живы наши гены!
Покуда дорог отчий край,
Во мне пылают Эльтигены
И ноет в сердце Акмонай.
И солнце наше не за лесом,
И нас прямой растут сыны.
Сильны мы хлебом и железом,
И честной памятью сильны.

* * *

А. Лесину

Степь да соль. И ни души.
Солнце ест глаза.
Остров Русский. Сиваши.
Суши полоса.

Остров Русский. Сиваши.
Топи да вода.
Хоть спешу, хоть не спешу —
Взрыв и — ни следа.

Только чайки. Даль пуста.
Будто настезь дверь.
Остров Русский. Можно стать —
Под ногами твердь.

Остров Русский. Можно лечь,
Выкопать окоп.
И чугунная картечь
Не достанет в лоб.

Остров Русский. Даль болот
На виду страны.
Передышка и оплот
Посреди войны.

Ах, как весны хороши!
Но случись беде —
Остров Русский, Сиваши,
Вспомним о тебе.

Первым выйдешь ты на смерть
Средь кровавых сеч —
Победить ли, умереть,
Переправой лечь.

АДЖИМУШКАЙ

Аджимушкой. Земные шрамы
Уже хлебами поросли —
Незаживающая рана
Моей израненной земли.

Незабываемая рана,
Невыплаканная слеза...
Мы от рожденья ветераны,
Мы смотрим времени в глаза.

Сюда не ходят скуки ради.
Сюда за памятью идут.
Сердец высоких зоркий радий
Хранится тут. Хранится тут...

Любой предмет и камень каждый
Рукою праздною не тронь —
Неутоляемая жажда,
Неугасающий огонь.

Остыл свинец на поле брани.
Даль звездопады замели...
Аджимушкой. Живые камни.
Ядро железное Земли.

Аджимушкой. Звезда седая
Во тьме рентгеновских глубин.
И тишина, и боль святая,
И я — твой сын. И я твой — сын.

Тот путь, что Родиною пройден,
Отметят мрамор и гранит.
Аджимушкой вечный орден
Пусть обжигает и горит.

БОЙЦЫ НЕ СПЯТ

Крымским партизанам

Озябших гор померк парчовый блеск —
Крадется осень стаей желтых лис.
Примолк, затих и затаился лес:
Стрельнет орех, порхнет усталый лист...

Безвременника храбрые цветы
В траве предзимней — словно на параде.

Оскалились речные омуты,
В скалу вырастают ржавые снаряды.

Молчанье гор висит над головой.
В кустах туман, сваявшийся, как вата.
То крикнет сойка, будто часовой,
То дятел вдруг пальнет из автомата.

Во сне бормочет речка Бурульча,
Измученная бесконечным бегом.
Копилка — партизанская свеча
Горит в землянке, занесенной снегом.

Бойцы не спят. Умолк скупой мотив.
Оружие проверено заранее.
И, карточки любимых схоронив,
Отряд в «ноль-ноль» уходит на заданье.

Они уходят выполнить приказ.
Исполнить долг. И не замедлят шаг.
Как прежде было, так и в этот раз —
Суровый подвиг свой они свершат.

...Займется склад во тьме ночной пурги.
Рванут боеприпасы, как салют.
С таким огнем не справятся враги
И ни водой, ни кровью не зальют.

Обратный путь и долог, и свинцов.
Погони лай, молчание засад.
Вот самый сильный ткнулся в снег лицом.
А самый слабый кинулся назад.

А на утесах медленная смерть
И малый шанс до ночи отсидеться.
Вскарабкались на ледяную твердь
И залегли с гранатами у сердца.

А полицай, подонок и садист,
Сообразил: не затевайте боя!
Там, наверху, под ветра вой и свист,
Решится вскоре все само собою...

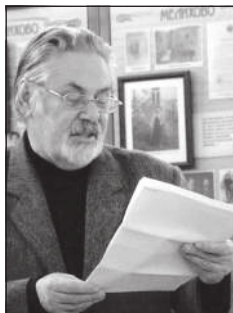
Внизу фашисты потешались люто,
Придумав их кострами обложить.
А на горе, в снегах, живые люди
Друг друга согревали словом «жить!»

Гори пожаром, летняя жара!
Пылай, сентябрь, для них, а не для нас —

О, как недоставало им костра,
Когда они вмерзали в снежный наст...

На белых скалах белый обелиск.
Его сиянья зренье не выносит.
К нему летит по ветру теплый лист
И припадает, как прощенья просит.

Лежат бойцы, укрытые листвою.
Но в нас их кровь. Алей на свете нет!
Ей сквозь века шуметь рекой живой.
В ней боль потерь. Святой огонь Побед.

Геннадий ШАЛЮГИН,
Ялта

* * *

Мой отец прошёл войну
От границы до столицы.
Защитил семью, страну,
И березовые ситцы...
Как и тысячи бойцов,
Знал отец приказ суровый:
Пустишь фрица на крыльцо —
Будешь век носить оковы.

Снились воину луна,
И последний бой под Вязьмой...
Не его была вина,
Что не внемлет Богу разум.
Видел: фрицы целят в лоб.
Но, когда кончались силы,
То спасал отца окоп.
Для других он стал могилой...